

Несколько дней спустя, когда император Цзинь Вэнь уже собирался завершить утреннюю аудиенцию, неожиданно вперед выступил один из секретарей, Лу Гуан, с просьбой выслушать его.

— Вчера, когда я, ваш ничтожный придворный, возвращался домой, меня остановила супружеская пара крестьян, одетых в лохмотья. Они передали вот это письмо, написанное кровью, дабы подать в суд на нового чжуаньюаня, Цзян Лю, за проявление непочтительности к своему покойному отцу.

П.р.: Сюэшу (血書, xuèshū) или «письмо крови» — послание, написанное собственной кровью для того, чтобы выразить предельную решимость, смертельную ненависть, гневное обвинение или последнее желание.

Лу Гуан искоса взглянул на Цзянь Цаньдао, прежде чем передать письмо крови вместе с собственной докладной запиской придворному евнуху для представления императору.

У наставника императора уже было плохое предчувствие, когда он увидел приближение Лу Гуана, но дослушав его заявление он не смог удержаться от вздоха. Что ж именно этого он и опасался.

Лу Гуан был учеником левого канцлера*, а тот был одним из министров, оставшихся от предыдущего императора. Когда юный Цзинь Вэнь взошел на престол, левый канцлер не пожелал отказаться от своих расширенных во время регентства полномочий. Поскольку Цзянь Цаньдао стал центральной фигурой среди тех, кто поддерживал молодого императора, он, естественно, считался занозой в боку противоположной фракции.

П.п.: У китайских императоров обычно было два высших сановника уровня премьер-министра или канцлера, которые во время любых официальных мероприятий стояли по обе стороны от трона и так и назывались: левый и правый первый советник (или министр). Левый обычно считался капельку выше по положению правого.

Похоже теперь они решили использовать его ученика, чтобы доставить неприятности ему самому.

Во времена династии Цзинь закон был чрезвычайно суров к нарушителям правил сыновнего благочестия. В самых серьезных случаях могла быть применена даже смертная казнь.

При этом границы того, что считалось непочтительностью, были довольно широки: от отказа обеспечивать жизнь престарелых родителей, избиения и жестокого обращения с ними, вплоть до простого непослушания — все это каралось законом. В зависимости от степени непочтительности могли быть наложены разнообразные наказания, включая позорное клеймо, лишение носа, пальцев, конечностей и смертную казнь.

Как правило, ученого любой ступени, заработавшего репутацию непочтительного к родителям,

лишают квалификации и доступа к участию в имперских экзаменах, а придворного, нарушившего этот закон, отстраняют от должности при дворе.

Цзянь Цаньдао никогда не слышал, чтобы его ученик хоть слово сказал о своих дяде и тете, которые по словам Лу Гуана были авторами этого письма крови, поэтому не мог даже предположить, какие именно обвинения изложены в письме.

Однако он не стал слишком нервничать. В конце концов, отец Цзян Лю уже давно умер. Если бы его отец был жив и сам выступил с обвинением против сына, то спасти юного ученого было бы невозможно. Однако старший Цзян мертв, а живые не могут говорить за мертвых.

Если Лу Гуан хочет использовать в качестве основания для доноса намерение Цзян Лю выдать замуж свою мать-вдову, как пример его непочтительности к покойному отцу, то такое обвинение будет весьма и весьма шатким.

В самом худшем случае они смогут лишь использовать общественное мнение, чтобы попытаться очернить его репутацию как ученого.

В результате Цзянь Цаньдао оставался спокойным и вовсе не стал паниковать, как этого ожидали Лу Гуан и другие.

— Эй, кто-нибудь, приведите сюда чжуаньюаня Цзян Лю, — император Цзинь Вэнь бегло просмотрел оба послания с обвинениями и с довольно неприятным выражением лица дал распоряжение стоявшим в сторонке придворным евнухам.

Однако его недовольство было направлено не на Цзян Лю. По мнению императора, этот юноша, как ученик Цзянь Цаньдао, однозначно являлся сторонником его собственной фракции, а значит, нацелившись на Цзян Лю, левый канцлер и его люди угрожали, скорее, самому правителю.

Император Цзинь Вэнь мог бы просто отклонить эти обращения, но ему хотелось посмотреть, как новый ученый, которого он хотел назначить на видный пост в правительстве, отреагирует на нападки фракции левого канцлера.

Поэтому император приказал вызвать Цзян Лю, желая проверить его навыки.

Тот прибыл во дворец примерно через час и, даже оказавшись под натиском множества враждебных взглядов, выглядел готовым отразить любые нападки.

— Нижайше прошу позволения представить вашему императорскому величеству несколько документов с данными по росту населения в империи Цзинь, а также во входящем в ее состав княжестве Цян за 24 года после его завоевания.

Когда Цзян Лю достал толстую кипу отчетов и передал их императору, у Лу Гуана нервно задергалось веко. Он повернулся и посмотрел на невозмутимого Цзянь Цаньдао. Чем дальше, чем больше ему казалось, что о его запланированном на сегодня выступлении стало известно заранее. Этот старый лис, должно быть, заранее сообщил обо всем своему ученику и подготовил его к контратаке.

Однако Лу Гуан был уверен, что каким бы красноречивым ни был Цзян Лю, он не сможет обосновать свое решение повторно выдать замуж свою овдовевшую мать и таким образом предать покойного отца.

— Я ваш верный слуга, ваше величество, однако еще молод и неопытен, поэтому если в моих словах будет что-то не так, то прошу заранее вас и ваших министров отнестись с пониманием, — склонился в поклоне Цзян Лю, а Лу Гуан холодно фыркнул.

— Документ в руках вашего величества — это письменный отчет о росте населения округа Санцзян, в котором родился ваш ничтожный придворный. Двадцать четыре года назад в округе постоянно проживало 13 724 человека, однако на сегодня количество жителей сократилось до 11 764 человек. Кроме того на тринадцатом году правления императора Цзинь Яна, в округе было зарегистрировано 945 новорожденных, но сейчас, двадцать четыре года спустя чиновники отметили рождение только 678 детей.

Стоявший в центре зала Цзян Лю излучал уравновешенность и уверенность в себе, не соответствующие его возрасту. Наблюдая его гладкую речь, трудно поверить, что это всего лишь пятнадцатилетний юноша, едва вступивший на путь государственного чиновника и еще даже не получивший официального назначения.

— Как видим, количество новорожденных в округе Санцзян заметно сократилось, а общее количество жителей за двадцать четыре года не только не выросло, но даже сократилось почти на две тысячи человек.

Император Цзинь Вэнь недоверчиво уставился на отчет, хотя и знал, что Цзян Лю не посмел бы подделать цифры, чтобы одурачить самого императора.

— Прошу, ваше величество, посмотрите на следующий документ, пожалуйста, — призвал императора Цзян Лю, прежде чем продолжить.

— Провинция Юйчуань, в которую входит округ Санцзян, примыкает к провинции Тунчжоу. В тот год, когда княжество Цян напало на нас в районе Великого Западного перевала, провинция Тунчжоу оказалась в тяжелом положении. Тогда провинция Юйчуань по количеству срочно набранных войск уступала лишь самой Тунчжоу. Имперская армия оказала успешное сопротивление и дошла до самой столицы княжества Цян, вынудив их смиренно склонить головы и признать себя вассалами империи. Однако эта война оставила после себя сотни тысяч погибших воинов империи Цзинь. В частности, округ Санцзян потерял около тысячи крепких молодых людей, и почти тысяча здешних молодых женщин остались вдовами. Из этого числа только семьдесят женщин зарегистрировали повторный брак, остальные же более девяти сотен

— остались вдали от мирской суеты, соблюдая вдовство и храня верность покойным мужьям. Вот почему количество новорожденных в округе столь снизилось на протяжении более чем двадцати лет.

Древние времена отличались от современных, когда общее население такой огромной страны, как Китай, легко может достичь 1-2 миллиардов.

Насколько понял Цзян Лю, все население империи Цзинь не превышало 10 миллионов человек. Весь округ Санцзян, в котором родился здешний Цзян Лю, можно было сравнить с небольшим городком будущего. Однако сейчас со своим населением чуть более десяти тысяч человек он уже считался весьма процветающим и высокоразвитым округом.

— Ваше величество, пожалуйста, перейдите к следующему отчету.

Не дожидаясь, пока все переварят информацию, Цзян Лю жестом указал императору на следующий документ.

— Я, ваш ничтожный придворный, также позволил себе собрать некоторые данные у странствующих торговцев империи Цзинь, которые ведут дела с княжеством Цян. Эти данные касаются города Лун, который примыкает к Великому Западному перевалу со стороны княжества. После войны этот город был одним из мест с наибольшим количеством погибших во всем княжестве Цян. Хотя все эти годы побежденная страна выглядела покорной овцой, ее волчьи амбиции никуда не делись. Ее правители всеми силами поощряли вдов к повторному браку, а за каждого новорожденного немного уменьшали налог, взимаемый с семьи. Благодаря этим мерам население города за двадцать четыре года уже вернулось к довоенному уровню. Нетрудно догадаться, что как только все эти дети подрастут, княжество Цян снова нападет на нас.

— Ты самоуверенный наглец! — едва Цзян Лю договорил, Лу Гуан ткнул в него пальцем и выругался, наплевав на свой образ почтенного государственного деятеля.

На данный момент княжество Цян честно и своевременно выплачивало ежегодную дань, послушно склоняясь перед победителем. Слова Цзян Лю явно направлены на то, чтобы внести раздор в отношениях между княжеством Цян и империей Цзинь. Насколько же коварны его намерения?

— Глубокоуважаемый Цзян, продолжайте, пожалуйста, — с самым серьезным выражением лица император Цзинь Вэнь взмахнул рукой, повелевая Лу Гуану вернуться на свое место.

— Возможно господин Лу прав, и я всего лишь жалкий человечешка, неспособный понять намерения благородных мужей, но как говорит старинная пословица, «хочешь мира — готовься к войне». Осмелюсь спросить уважаемого Лу: если однажды княжество Цян нарушит мирный договор, то как нынешняя династия Цзинь сможет оказать им сопротивление, не имея достаточно войск и рабочей силы? Удастся ли нам снова взять верх над их знаменитой тяжелой конницей?

Вопросы Цзян Лю заставили Лу Гуана потерять дар речи.

Очевидно, что еще после той войны правительство должно было поощрять вдов к повторному браку. Однако в то время, когда император Цзинь Ян полностью разгромил княжество Цян, он был настолько доволен собой, что допустил ряд просчетов. Он был уверен, что страна процветает под его управлением, однако со временем негативные последствия принятых в прошлом решений проявились и стали разрастаться.

— Согласно учению Конфуция, следует почитать небо, землю, императора, родителей и учителей. В этом ряду по степени почитаемости родители следуют сразу за императором и видимо именно из-за этого чиновники в свое время решили, что вдовам следует блюсти себя, сохраняя верность почившему мужу. Однако эти широко распространенные, но давно устаревшие убеждения не приносят пользы и не способствуют появлению детей. Тем не менее многие кланы ради сохранения так называемой чистоты рода, принуждают вдов оставаться одинокими, прибегая даже к самосуду и линчеванию женщин, которые хотели выйти замуж повторно. Такое поведение является, как минимум, неуважением к законам династии Цзинь, а если говорить более серьезно, то ставит под угрозу безопасность государства и ничем не отличается от измены и предательства.

— Что касается моих дяди и тети, которых упомянул уважаемый господин Лу, то в первые годы после смерти моего отца они ради того, чтобы завладеть семейным имуществом, оставшимся мне в наследство, вступили в сговор с посторонними, с целью подставить и опорочить мою мать. Они были изгнаны патриархом из клана Цзян, а их имена вычеркнуты из нашего родового древа. Вступая в сговор с чужаками, они не интересовались чувствами моего покойного отца, а стоило моей матери собраться замуж, как вдруг заявили и обвинили меня в непочтительности к отцу.

Слова Цзян Лю сложились, словно бусины в жемчужную нить. Он не только изложил факты и обосновал их, но и связал их с общим благосостоянием страны. Вдруг оказалось, что любого, кто попытается опровергнуть его слова, можно будет заподозрить в желании разрушить империю Цзинь.

Завершив свое выступление, Цзян Лю повернулся к Лу Гуану и с глубоким поклоном спросил:

— Осмелюсь спросить, уважаемый господин Лу, в чем же именно ошибся ваш покорный слуга?

Будет ли это добрый совет или злая ругань, пусть выскажет все это прямо сейчас.

Бледный как мел Лу Гуан почувствовал себя так, словно его заставляют съесть собственное дерьмо.

П.п: Благодарю за внимание :) Пожалуйста, поставьте свою оценку роману здесь:

<https://tl.rulate.ru/book/45346>

Присоединяйтесь к нашей группе: <https://vk.com/webnovell> (промокоды на главы, акции, конкурсы и прочие плюшки от команды по переводам К.О.Д.)

<http://tl.rulate.ru/book/45346/1668396>